

Семиотика веера в контексте русского костюма

Татьяна Давиденко

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, УКРАИНА

Культура – противоречивое и уникальное явление. Каждый ее элемент настолько неповторим и значим, что очень сложно установить между ними иерархическую зависимость. Мы говорим «высокое» в культуре и «низкое». «Высокую» культуру всегда должно что-то подпирать – иначе она отрывается от земли и улетает, словно воздушный шарик, туда, где становится нечем дышать. Под «низкой» традиционно нами понимается обыденное, сфера повседневной бытовой жизни.

Быт представляет собой и повседневную практическую жизнь и, одновременно, в символическом смысле, сферу культуры. «Мир повседневных вещей, – по мнению Ю.М. Лотмана, – самодовлеющая система. А значит, ее можно пережить эстетически, независимо от прямого смысла»¹. Бытовая культура содержит в себе ключ к пониманию своего прошлого, а значит помогает понять настоящее, дает возможность познать чужую культуру, проясняя тем самым свою: «...чтобы представить себе логику литературного героя или людей прошлого, ... надо представлять себе, как они жили, какой мир их окружал, каковы были их общие представления, нравственные, их служебные обязанности, обычаи, одежда, почему они поступали так, а не иначе»².

Костюм занимает далеко не последнее место в культурной ценностной парадигме. Более того, поскольку именно костюм оказывается наиболее «чувствительным» к тем новым тенденциям, которые изменяют традиционную парадигму той или иной культуры, то не случайно, что костюм является основным предметом такого сложного явления, как мода. Однако именно костюм выступает в роли так называемого «национального сокровища» культуры, то есть оказывается основой традиции, аккумулятором ментальности того или иного этноса.

---

¹ Лотман Ю.М., Погосян Е.А. «Великосветские обеды». СПб., 1996. С. 9.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб., 1996. С. 9.

Существуют культуры, в которых национальный костюм уже сложился (например, украинский, китайский, японский и т.д.), и традиции, где процесс его формирования еще не завершен, например, русский национальный костюм.

До сих пор в русской культуре бытует миф о русском национальном костюме. Кажется, в начале XX века в России сложились все условия для окончательного оформления национального типа одежды. Русская культура впервые совпала с историко-культурным развитием Европы. Однако в силу ряда политических, исторических событий первой половины XX века (выхолащивание интеллектуальной среды, революционные всплески, войны, эмигрантские волны и др.) брошенное семя так и не дало ожидаемых всходов.

Пожалуй, наиболее важной тенденцией, наблюдаемой в сфере русской бытовой культуры данного периода, является то, что попытка оформления русского национального костюма проходила параллельно с интенсивным развитием мощного маргинального слоя, который привнес в культуру свое видение традиции, в том числе и свое видение костюма. Именно внутри маргинальной среды происходит рождение мифа о русском национальном костюме – о женском сарафане и мужской косоворотке.

Процесс мифологизации такой области бытовой повседневной культуры как костюм на русской почве нельзя оценивать однозначно: с одной стороны, складывающийся миф заполнил ту пустотность, которая образовалась в сфере бытовой культуры, а с другой стороны – способствовал выработке определенных коммуникативных стратегий внутри русской культуры в освоении «чужого», заимствованного материала.

В конце XVIII века в России начинают появляться различные атрибуты иноземных костюмов, в том числе, и такой элемент восточного костюма, как веер. Словарь Р.М. Кирсановой³ дает следующее определение веера: «Веер – складное устройство из бумаги, ткани, кости, дерева, перьев, кружева (нередко отделанное росписью, инкрустацией, сквозной резьбой) предназначенное для обмахивания, навевания прохлады».

Мифологизированное поле русского национального костюма в процессе адаптации веера как элемента «чужого» костюма выработало определенные коммуникативные стратегии.

1. Стратегия заимствования формы.

Веер, известный в Европе, был завезен из восточных стран, точнее из стран Дальнего Востока. Тип складного веера – это, собственно, изобретение японской культуры, ведь китайская культура знала только прямую форму веера, опахалообразную, а японцы в X-XII веках со свойственной им коммуникативной стратегией «чужое вмиг почувствовать своим» предложили свой тип веера, более практичный и удобный. Именно японский вариант и нашел отклик в Европе, а позже оттуда был перенесен в XVIII веке в Россию.

2. Стратегия заимствования дискурса.

Из Европы русским костюмом была заимствована не только форма веера, но и его «особый» дискурс, на котором русские дамы и кавалеры вели своеоб-

---

³ Кирсанова Р.М. Костюм в русской культуре XVIII – первой половине XX века. Опыт энциклопедии. М., 1995. С. 56.

разный диалог, специфика которого заключалась в том, что его нельзя было услышать, но можно было подглядеть. Важно отметить, что дискурс веера читался только в процессе «разговора», по перемене его положения, движению руки, по количеству открывшихся и мгновенно закрывшихся отдельных «листочков». Хотя язык веера можно назвать женским дискурсом, понимать его должны были все же мужчины.

При анализе живописного произведения трудность понимания языка веера связана прежде всего с тем, что в живописи фиксируется статическое положение веера – это лишь «звук», а не «слово». Дискурса веера оказывается неразрывно связан с процессом символизации, узнавания, ранее известного, процессом своеобразного смыслоорождения. Дискурс веера неразрывно связан с ситуацией диалога, более того, оказывается единственно возможным именно в ситуации «живого» слова.

В бытовой культуре XVIII века существовало выражение «махаться» (то есть вести любовную игру, «роман»). Это был тайный, символический язык влюбленных, поэтому на портретах этого периода изображения дам с веерами довольно редки, а главное, что веер, как правило, закрыт, то есть молчит. Можно сказать, что в бытовой русской культуре мы сталкиваемся с табуированием семиотического поля веера.

В конце XIX – начале XX вв. художники «мира искусства» возродили интерес не только к искусству, но и к запретному языку веера. А.А. Верещагин приводит следующие положения-символы веера: «Я замужем» - говорит, отмахиваясь, развернутый веер; «Вы мне безразличны» - закрываясь; «Будьте довольны моей дружбой» - открывается один листик; «Вы страдаете, я вам сочувствую» - открывается два листка; «Можете быть смелы и решительны» - веер держится стрелой; «Ты мой кумир» - полностью раскрыт и т.д.⁴

В России существовали специальные пособия, которые обучали, прежде всего дам, языку веера. Символический язык веера требовал от дам знание и строгое соблюдение правил поведения, он всегда нем текст-информацию, закрепленную за определенным положением веера: «Чтобы выразить согласие да – следует приложить веер левой рукой к правой щеке. Нет – приложить открытый веер правой рукой к левой щеке. Я люблю вас – правой рукой указать на сердце закрытым веером. Я вас не люблю – сделать закрытым веером движение в сторону. Будьте осторожны, за нами следят – открытым веером дотронуться до левого уха. Не приходи поздно – правую сторону открытого веера держать перед тем, с кем ведется разговор, а потом быстро закрыть его. Не приходи сегодня – провести закрытым веером по наружной стороне руки».

Стоит отметить, что не только положение веера могло быть прочитано как текст, но и даже цвет веера, подбираемый к туалету, содержал определенную информацию о настроении владелицы: «черный – печаль, красный – радость, голубой – постоянство, верность, лиловый – смирение, желтый – отказ, коричневый – недолговременное счастье».

---

⁴ Верещагин В.А. Памяти прошлого. СПб., 1914. С.70.

Встречались более сложные цветовые сочетания, требующие более сложного распознавания: «черный с белым – разрушенный мир, розовый с голубым – любовь и верность, убранный блестками – твердость и доверие»⁵.

Можно сказать, что русская культура, опосредованно заимствуя такой элемент «восточного» костюма, как веер, вырабатывает следующие адаптационные коммуникативные стратегии: стратегию заимствования формы, стратегию заимствования дискурса и стратегия «вещь-слово-мир». Последняя коммуникативная стратегия собственно и переводит внешний дискурсивный язык (в частности, форма, положение веера) на язык внутренней речи, формируя тем самым сложное семантическое поле прочтений положений веера, его цветового разнообразия.

Таким образом, «чужая» вещь – веер, попадая в мифологизированное поле русского контекста, с определенной формой, готовыми смысловыми нагрузками может существовать исключительно в коммуникативном событии, в котором участвуют носитель, владелец вещи-веера и адресат, которому направлен текст-информация. В процессе диалога вещь-веер становится «словом», то есть порождает некий смысл, некое содержание (например, я вас люблю, приходите сегодня вечером и т. д.). Однако ситуация первичного смыслопорождения не является конечной, ведь в процессе адаптации элемента иной культуры происходит рождение нового коммуникативного пространства – «мира», расширение которого формирует многообразия и неисчерпаемость семиотического поля.

---

⁵ Хороший тон, сборник правил и советов как следует вести себя в разных случаях домашней и общественной жизни. М., 1911. С. 110.